

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.17>

UDC 162.6
LBC 67.1

THE TRIAL OF SOCRATES LIKE THE STRUGGLE OF SOPHISTRY AND DIALECTICS

Gennady A. Pechnikov

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russian Federation

Sergey D. Nazarov

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Peter P. Smolyakov

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article discusses the ideological conflict between the views of the sophists, based on the fact that everything is relative, there is no objective truth and objective dialectical patterns (and the measure is all people) and taught rhetorical art of dispute and winning the case (eristic) and Socrates sharply opposed the absolute relativism of the sophists and proving the existence of objective truth. The article shows the principled position of Socrates in the Athenian court. It is noted that the relativistic views of ancient Greek sophists are reflected in the modern adversary Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, in which the art of speaking, the ability to be stronger, more convincing than its procedural adversary is also important. The authors of the article criticize relativism of the modern adversary criminal process, which denies objective truth and believes that the criminal process with an objectively true concept of legal proceedings is a higher, more advanced type (model) of the criminal process than the competitive (win-loss) process in which the triumph of the right and justice of the strong.

Key words: Socrates, sophists, dialectics, relativism, sophistry, the art of dispute, competitive (winning-losing) model of the criminal process, objectively true model of criminal proceedings.

Citation. Pechnikov G.A., Nazarov S.D., Smolyakov P.P. The Trial of Socrates Like the Struggle of Sophistry and Dialectics. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 177-183. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.17>

УДК 162.6
ББК 67.1

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД СОКРАТОМ КАК БОРЬБА СОФИСТИКИ И ДИАЛЕКТИКИ

Геннадий Алексеевич Печников

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Сергей Дмитриевич Назаров

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Петр Павлович Смольяков

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен идейный конфликт между взглядами софистов, исходящих из того, что нравственные ценности относительно, объективной истины и объективных диалектических закономерностей.

тей не существует (поскольку человек задает меру вещам), и Сократом, резко выступавшим против абсолютного релятивизма софистов и доказывавшем существование объективной истины. В статье показана принципиальная позиция Сократа в афинском суде, доказывавшего противоречивость и необоснованность предъявленных ему обвинений. По мнению авторов, афинский суд представлял собой состязательный процесс, в котором судьи разделяли софистические взгляды и использовали софистические приемы. Показано, что релятивистские взгляды древнегреческих софистов нашли свое отражение и в современном состязательном уголовно-процессуальном кодексе РФ, в котором также важно искусство судоговорения, умение быть сильнее, убедительнее своего процессуального противника. Авторы статьи критикуют релятивизм современного состязательного уголовного процесса, отрицающего объективную истину, и доказывают, что уголовный процесс с объективно-истинной концепцией судопроизводства – это более высокий, более совершенный тип (модель) уголовного процесса, чем состязательный (выигрышно-проигрышный) процесс, в котором торжествует право и справедливость сильного.

Ключевые слова: Сократ, софисты, диалектика, релятивизм, искусство спора, состязательная модель уголовного процесса, объективно-истинная модель уголовного судопроизводства.

Цитирование. Печников Г. А., Назаров С. Д., Смольяков П. П. Судебный процесс над Сократом как борьба софистики и диалектики // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 177–183. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.17>

Принципиально выступивший против релятивизма софистов Сократ отстаивал объективную истину, добродетель и справедливость как «общие определения», абсолютные понятия, абсолютные ценности. В соответствии с учением софистов человек есть мера всех вещей. Истина относительна, различна для каждой культуры, человека и ситуации. Ценность любого мнения можно определить только исходя из практической пользы, которую оно может принести в жизнь человека. «В конце концов, – утверждали софисты, – каждое понимание есть субъективное мнение. Подлинная объективность невозможна. Всякое постижение, на которое можно претендовать, – лишь вероятность, а не абсолютная истина» [Тарнас 1995, 28]. Софисты доказывали, что не существует определенных норм истинного и ложного, то есть невозможно четко разграничить истину и ложь, добро и зло, справедливость и несправедливость и т. д.

Напротив, Сократ доказывал, что некоторые нормы являются абсолютными и действительными для всех [Философия 2000, 80], что следует отделять добро от зла, истину от лжи, справедливость от несправедливости и, соответственно, виновного от невиновного, презумпцию невинности от презумпции виновности, доказанное от недоказанного в судебном процессе.

Осуждение Сократа произошло по причинам, в большей степени связанным с его критикой софистики – основной в рассматриваемую эпоху системы древнегреческого об-

разования, нацеленного на обучение навыкам аргументации и защиты любого утверждения – верного или неверного. Сократу не могли простить доказательства того, что эта система не имела под собой прочного основания [Хесс 1999, 21].

Критикуя релятивистские установки софистов, Сократ показал, что «гибкость» понятий и демонстрация софистами на ее основе семантического «тождества» противоположных суждений является безрезультатным процессом и лишь начальным этапом позитивного постижения истины («сущности вещей»). Убеждение Сократа базируется на имплицитной презумпции объективного существования intersubъективного истинного знания [История философии 2002].

Сократ был обвинен в том, что «не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества, и повинен в том, что развращает юношество, а наказание за это – смерть» [Диоген Лаэртский 1980, 116]. В суде Сократ указал своим обвинителям на необоснованность пунктов обвинения о развращении молодежи и непризнании богов. Во-первых, нелепо считать его развратителем молодежи и одновременно признавать, что все другие граждане, в том числе судьи и сами обвинители, никого не развращают, а воспитывают. Во-вторых, если версия о развращении действительно допустима, то еще требуется доказать, что оно было умышленным, так как невольного развратителя к суду не привлекают, а частным образом наставляют и исправляют.

По второму пункту обвинения Сократ доказывал противоречивость утверждений «о непризнании богов» и «введении новых богов». «Отвергать одних богов и признавать других, заметил он, – вовсе не значит быть безбожником, в чем его обвиняет Мелет. И если Мелет согласен, что «гениев-то я признаю», а гении – дети богов, то какой же человек, признавая детей богов, не будет признавать самих богов?» [Кесседи 1999, 277; Нерсисянц 1977, 119–139; Платон 1999, 70–96].

Однако, несмотря на то, что Сократ отрицал свою вину по всем пунктам обвинения, он был признан судом виновным. В Древней Греции у обвиняемого было право выбора для себя вида наказания. Перед такой альтернативой оказался и Сократ. Гегель в своей «Эстетике» описывает это так: «Согласно афинским законам обвиняемый, после того как гелиасты – своего рода английский суд присяжных – вынесли ему обвинительный приговор, имел право противопоставить наказанию, предложенному обвинителем, *противооценку*... которая, не будучи формально апелляцией, заключала в себе смягчение наказания; это – превосходный институт афинского судопроизводства, свидетельствующий о его гуманности». Следовательно, речь идет, при этой оценке не о наказании вообще, а лишь о роде наказания; поскольку судьи уже постановили, что Сократ заслуживает наказания. Но именно тем, что признанный виновным делается своим собственным судьей, подразумевалось, что он подчиняется приговору суда и признает себя виновным; Сократ же отказался выбрать для себя наказание, которое могло быть денежным штрафом или изгнанием. Имея выбор между этими наказаниями и смертью, которую предлагали обвинители, он отказался от выбора наказания, потому что как сообщает Ксенофонт [Платон 1999, 23] формальностью *противооценки* он признал бы, как он говорил, свою вину [Гегель 1973, 4, 188]. Сократ не согласился на «делку с правосудием».

Философия софистов была прямой противоположностью диалектической философии Сократа. В суде Сократ твердо отстаивал свои философские позиции и не отступал от них, хотя, возможно, предвидел, что он проиграет судебный процесс, поскольку афинский суд подходил к разбирательству дела с пози-

ции софистов, отвергавших всякие «общие понятия» и объективную истину и признававших только отдельное, частное мнение каждого. По существу, афинский суд являл собой состязательный процесс, целью которого было не установление объективной истины, а выяснение того, кто сильнее, убедительнее в споре сторон обвинения и защиты. Приемы софистики помогали одержать верх над процессуальным противником и выиграть дело. А. Шопенгауэр, высоко ценивший «искусство побеждать в спорах» [Шопенгауэр 2016], отмечает, что для победы в дискуссии необязательно быть фактически правым, нужно лишь использовать правильные приемы. Он приводит более тридцати так называемых уловок, включающих: подмену тезиса; уход от предмета обсуждения в другие сферы; выведение противника из себя; недопущение верных аргументов, если они могут привести к неблагоприятным выводам, а также такой прием как неведение довода (*ignoratio elenchi*) – логическую ошибку, при которой доказывается не то, что следует, или опровергается не то, что должно быть опровергнуто [Шопенгауэр 2016, 7, 25]. Таким образом, софисты обращаются к искусству спора (*эристике*) как технике словесной эквилибристики, используемой не для того, чтобы определить истину, а, напротив, чтобы «сделать слабое мнение сильным» и убедить слушателей в своей правоте благодаря использованию софизмов (*sofisma* – хитрая уловка) – измышлений, преднамеренно ложных выводов [Темнов 2003, 47]. Применение софизмов позволяло убедительно доказывать свою точку зрения независимо от того, в чем она состоит [Гайденко 2009, 96–97].

Как видим, подмена цели судопроизводства (вместо объективной истины – победа в споре сторон) ведет к изменению и средств ее достижения: вместо всесторонности, полноты и объективности исследования фактических обстоятельств дела допустимы софистические выигрышные уловки. К слову сказать, и современный состязательный уголовный процесс в России обнаруживает свое явное сходство с афинским судом времен софистов. В нем также важна победа в правовом споре (конflikте) сторон, а не объективная истина, и также «разрешено все, что не запрещено законом», включая и софистику.

Согласно принципу «мера всех вещей – человек», мир таков, каким он представляется в наших ощущениях; знание о мире не выходит за пределы ощущений и переживаний субъекта. Таким образом, объективная истина невозможна [Кессиди 1999, 120–121]. На это Ф.Х. Кессиди логично возражает: если объективной истины нет и человек является мерой (критерием) всех вещей в своем представлении, то он является и мерой всех норм в своем поведении. И если для каждого истинным (нравственным, законным и т. д.) является то, что ему кажется таковым, то отсюда вытекает вывод, что каждому, говоря словами Ф.М. Достоевского, «все позволено» [Кессиди 1999, 121]. Далее, если объективной истины нет, а есть лишь мнения в качестве описаний психологических переживаний субъекта, то как тогда отличить истину от заблуждения, нравственное от безнравственного? Как отличить тогда добро от зла, если нет объективного критерия, а все субъективно и относительно?

Софисты ставили задачей обучение искусству выдвижения доводов (аргументов, оснований) исключительно с одной целью – победить в споре сторон. Софист выхватывает один из «доводов», и еще Гегель справедливо отмечал, что «доводы» можно подыскать решительно для всего на свете. Софисты обучали изыскивать различные «доводы» в качестве «оснований», в свете которых можно рассматривать вещи. Но довод еще не имеет в себе и для себя определенного содержания, так что можно одинаково легко находить доводы как для безнравственных и противоправных действий, так и для нравственных и правых, поскольку выбор оснований зависит от индивидуальных намерений и индивидуально-умонастроения субъекта. В своей полемике с софистами Сократ с позиций диалектики доказывал несостоятельность использования субъективных доводов, форма которых позволяет как защищать, так и нападать на все [Гегель 1975 1, 285–286], и в противовес им ставил задачу содержательного определения истины, добра, справедливости. Форма и содержание диалектически взаимосвязаны и их нельзя отрывать друг от друга, поскольку «пустая» форма начинает жить своей собственной жизнью и ее можно использовать для чего

угодно и как угодно. Достоевский описывает адвоката, который, защищая подзащитного от обвинения в убийстве с целью грабежа, договорился до того, что грабежа не было, как и убийства.

В процессе либерализации уголовно-процессуального законодательства в России состязательность стала признаваться самодостаточной, а процессуальная форма, процедура судопроизводства получили приоритет над истинным содержанием, над задачей установления фактических обстоятельств дела [Михайловская 2006, 8–9]. Иначе говоря, в состязательном уголовном процессе процессуальная форма, процедура стали ставиться выше искомой истины по делу, чего в принципе не должно быть согласно требованиям диалектики.

Софистический приоритет формы над фактическим содержанием означает признание плюрализма мнений, оценок, «истин» об одном и том же предмете. В противоположность этому подходу Сократ на суде твердо отстаивал идею объективной истины. Как последовательный сторонник диалектики, он признавал единственность и объективность истины для каждого конкретного случая. Сократ признавал, что понятия добра и зла, справедливого и несправедливого относительно в том смысле, что один и тот же поступок является в одном отношении добром, а в другом – злом. Вместе с тем он отказывался считать два взаимоисключающих поступка (например, обвинение, выдвинутое против него, и непризнание им своей вины на суде) одинаково справедливыми, одинаково добродетельными на основании двойного характера справедливости и добродетели. Это было для него равносильным одновременному признанию множества истин об одном и том же [Кессиди 1999, 306].

Целью софистической эристики является утверждение возможности принятия двух противоположных тезисов (например, «добро и зло – одно и то же»; «добро и зло – не одно и то же») как одинаково истинных. Используя прием подмены тезисов, софисты с одинаковым успехом могли доказать «истинность» как одного, так и другого тезиса. На наш взгляд, из того, что добро в одном отношении может быть злом в другом, еще не следует, что «доб-

ро и зло – одно и то же» в одном и том же отношении и в одно и то же время.

В вопросно-ответном ведении спора у софистов главной целью задающего вопросы было принудить отвечающего противоречить самому себе, целью отвечающего – любой ценой выйти из этой ловушки вне зависимости от того, будут ли его ответы отражать то, что он считает истинным, или нет. В противоположность этому Сократ настоятельно требовал, чтобы отвечающий прежде всего исходил из того, что считает истинным. В установлении истины он видел главный критерий, отличающий диалектику как «искусство вести рассуждение» от эристики, искусства спора, искусства словесного агона, словесного состязания [Кессиди 1999, 150–151, 199].

В состязательном (выигрышно-проигрышном) типе уголовного судопроизводства фактически отсутствует необходимая *общая цель*, а имеются одни лишь своекорыстные *цели сторон*, превращающиеся в самоцель всего уголовного процесса. Но ведь, отдельные (частные) цели в уголовном процессе – это, по сути, лишь средства, а они не должны становиться целью (самоцелью). Диалектика не допускает стирание различий между целью и средствами. Не случайно на суде Сократ остро поставил вопрос об объективной истине как единой *общей* цели уголовного процесса. По его мнению, не только каждое отдельное действие должно руководиться известной целью, но кроме того должна существовать единая общая и высшая цель, которой подчиняются все частные цели и которая представляет собой безусловное высшее благо [Краткий очерк... 1981, 68].

На суде Сократ четко поставил вопрос и о презумпции невиновности, о необходимости доказательства участия обвиняемого в совершении преступления. При этом он делал вывод о том, что проблема доказанности / недоказанности вины в уголовном процессе может решаться только с позиции объективной истины.

В своей защитительной речи Сократ, обращаясь к судьям, отметил: «...поэтому решайте, как вам заблагорассудится. Но следуя своему обыкновению давать советы о том, что справедливо и полезно, я сказал бы, что вам по совести своей лучше было бы оправдать меня, если в моем

деле вы разбираетесь не лучше, чем я сам» [Монтень 1996 II, 269]. Но афинский суд не истолковал имеющиеся в деле сомнения в пользу Сократа, не оправдал его. Кроме того, судьи, очевидно, руководствовались как «готовым знанием» фактической презумпцией вины: «обвиняемый, как правило, виновен». Но объективная истина, как подчеркивал Гегель, не может быть дана сразу в «готовом виде» как отчеканенная монета, которую можно положить в карман; истина – это процесс постепенного постижения [Гегель 1975 I, 16, 404]. Объективная истина всегда объективно доказывается; она не может презюмироваться, как не может и выигрываться.

Суд не принял во внимание категорический отказ Сократа признать себя виновным в предъявленных ему обвинениях как доказательство его действительной невиновности; напротив, все то, что вызывало сомнение в его виновности на суде, было истолковано против него как доказательство его виновности.

Оценивать сущность судебного процесса над Сократом надлежит, как отмечено, с точки зрения борьбы двух разных философских направлений: софистики (антидиалектики) и диалектики. Именно эта борьба привела к судебному разбирательству над Сократом и предопределила его исход. Если вдуматься, то и сами обвинения, выдвинутые против Сократа, были, по большому счету, где-то надуманными в отместку за то, что он теоретически и практически отрицал научность философии софистов и критически противопоставлял ей философскую диалектику как истинно научное учение.

Сократ убедительно парировал все обвинения в суде, показал их юридическую несостоятельность, их несоответствие действительности. Но ведь софистами были не только обвинители Сократа; большинство судей разделяли взгляды софистов или мирились с ними. Судьи-софисты и не пытались по-настоящему установить в отношении Сократа объективную истину, не отличали принципиально истину от заблуждения, а руководствовались индивидуальным настроением и чисто субъективным усмотрением.

Кроме того, Сократ эмоционально настроил против себя судей тем, что вместо выбора для себя вида наказания сказал, что

для него, человека заслуженного, но бедного, нет ничего более подходящего, чем почетный обед за общественный счет в Пританее [Кессиди 1999, 279]. Это предложение Сократа шокировало суд и было принято как дерзость. Но положить эмоции в основу обвинительного приговора вместо доказательственных фактов – это и есть софистика, отказ от установления объективной истины, безразличие к ней. Каковы же тогда гарантии правосудия, если все софистически относительно и ясно не отличить виновного от невинного?

Борьба диалектики с софистикой продолжается и в наши дни. Современное состязательное уголовное судопроизводство в России тяготеет к софистике, а значит отрицает диалектику. Это точно выразили, развивая свои теоретические взгляды, известные процессуалисты – А.С. Александров и В.В. Терехин: «Новая состязательная теория судебных доказательств – это хорошо забытая софистика, которую мы намерены оправдать в виде риторической стратегии аргументации. Нет истины (объективной). Все гуманитарные истины субъективны, ибо мерилom их является человек» [Александров, Терехин 2015, 12].

Судебный процесс по делу Сократа убедительно доказал, что состязательный уголовный процесс, в котором базирующаяся на софистике состязательность самодостаточна и исключает объективную истину, научно несостоятелен. В противовес ему уголовный процесс, основанный на объективной истине и учитывающий диалектическую логику, представляет собой более совершенный и справедливый тип уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров, Терехин 2015 – Александров А.С., Терехин В.В. Пять тезисов из манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2015. №1 (26). С. 8–13.
- Гайдено 2009 – Гайдено П.П. История греческой философии в ее связи с наукой. М.: Пер Сэ; СПб.: Унив. кн., 2009.
- Гегель 1973 – Гегель В.Г.Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 4. М.: Искусство, 1973.
- Гегель 1975 – Гегель В.Г.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1975.
- Диоген Лаэртский 1980 – Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Экзамен: Право и закон, 1980.
- История философии. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис: Кн. Дом, 2002.
- Кессиди 1999 – Кессиди Ф.Х. Сократ. Ростов н/Д: Феникс, 1999.
- Краткий очерк... 1981 – Краткий очерк истории философии. М.: Мысль, 1981.
- Михайловская 2006 – Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: ТК Велби: Проспект, 2006.
- Монтень 1996 – Монтень М. Опыты. В 2 т. Т. 2. Кн. 3. М.: Терра, 1996.
- Нерсесянц 1977 – Нерсесянц В.С. Сократ. М.: Наука, 1977.
- Никитич (ред.) 2000 – Никитич Л.А. (ред.). Философия. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000.
- Платон 1999 – Платон. Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор: пер. с древнегреч. / под общ. ред. А.Ф. Лосева [и др.]. М.: Мысль, 1999.
- Тарнас 1995 – Тарнас Р. История западного мышления. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.
- Темнов 2003 – Темнов Е.И. Латинские юридические изречения. М.: Право и закон: Экзамен, 2003.
- Хесс 1999 – Хесс Р. 25 ключевых книг по философии. Челябинск: Урал LTD, 1999.
- Шопенгауэр 2016 – Шопенгауэр А. Искусство побеждать в спорах. М.: Э, 2016.

REFERENCES

- Aleksandrov A.S., Terekhin V.V., 2015. Five Theses from the Manifesto of Critical Legal Studies of Russian Criminal Procedure Law. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudenciya*, no. 1 (26), pp. 8-13.
- Gajdenko P.P., 2009. *The History of Greek Philosophy in Its Connection with Science*. Moscow, Per Se Publ.; Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ.
- Gegel' V.G.F., 1973. *Aesthetics*. In 4 vols. Vol. 4. Moscow, Iskusstvo Publ.
- Gegel' V.G.F., 1975. *Encyclopedia of Philosophical Sciences. In 3 vols. Vol. 1. The Science of Logic*. Moscow, Mysl' Publ.
- Diogen Laertskij, 1980. *About the Life, Teachings and Sayings of Famous Philosophers*. Moscow, Ekzamen Publ., Pravo i zakon Publ.
- History of Philosophy. Encyclopedia*, 2002. Minsk, Interpresservis Publ., Knizhnyj Dom Publ.
- Kessidi F.H., 1999. *Sokrat*. Rostov-on-Don, Feniks Publ.

- A Brief Outline of the History of Philosophy*, 1981. Moscow, Mysl' Publ.
- Mihajlovskaya I.B., 2006. *The Judge's Handbook on Proving in Criminal Proceedings*. Moscow, TK Velbi Publ., Prospekt Publ.
- Monten' M., 1996. *Experiments*. In 2 vols. Vol. 2. Book 3. Moscow, Terra Publ.
- Nersesyanc V.S., 1977. *Sokrat*. Moscow, Nauka Publ.
- Nikitich L.A. (ed.), 2000. *Philosophy*. Moscow, YUNITI-DANA Publ.
- Platon, 1999. *Apology of Socrates, Crito, Ion, Protagoras*. Moscow, Mysl' Publ.
- Tarnas R., 1995. *The History of Western Thinking*. Moscow, KRON-PRESS Publ.
- Temnov E.I., 2003. *Latin Legal Sayings*. Moscow, Pravo i zakon Publ., Ekzamen Publ.
- Hess R., 1999. *25 Key Books on Philosophy*. Chelyabinsk, Ural LTD Publ.
- Shopengauer A., 2016. *The Art of Winning Arguments*. Moscow, E Publ.

Information About the Authors

Gennady A. Pechnikov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Philosophy, History and Law, Volgograd State Agrarian University, Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russian Federation, sokrat281947@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9518-1371>

Sergey D. Nazarov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Honored Lawyer of the Russian Federation, Associate Professor, Department of Operational Investigative Activities, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, serdminaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5642-1208>

Peter P. Smolyakov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Philosophy, History and Law, Volgograd State Agrarian University, Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russian Federation, pr.p.smolyakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3638-9022>

Информация об авторах

Геннадий Алексеевич Печников, доктор юридических наук, профессор кафедры философии, истории и права, Волгоградский государственный аграрный университет, просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация, sokrat281947@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9518-1371>

Сергей Дмитриевич Назаров, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, serdminaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5642-1208>

Петр Павлович Смольяков, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, истории и права, Волгоградский государственный аграрный университет, просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация, pr.p.smolyakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3638-9022>